

Сердюченко В. Русская проза на рубеже третьего тысячелетия // *Вопр. лит.-ры.* 2000. № 4; Елагина Е. Александр Мелихов — хранитель фантомов // *Дело.* 2004. № 4. 9 февр.

Н. С. Цветова

МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич [2(14).8.1865, Петербург — 7.12.1941, Париж; похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, под Парижем] — исторический романист, поэт, драматург, переводчик, критик, один из основоположников русского символизма.

Прадед писателя, Федор Мережки, был войсковым старшиной на Украине в г. Глухове. Дед, Иван Федорович, при императоре Павле I служил в Измайловском полку, тогда же он, вероятно, изменил малороссийскую фамилию Мережки на Мережковский. Отец М., Сергей Иванович (1823–1908), имел гражданский генеральский чин тайного советника и служил при императорах Николае I, Александре II и Александре III в канцелярии придворного ведомства. Через 9 месяцев после убийства Александра II вышел в отставку, а после смерти жены (20.3.1889) превратился в «ярого спирита-теософа» (Гиппиус З. Н.—С. 183). Мать М., Варвара Васильевна (урожденная Чеснокова), — дочь управляющего канцелярией петербургского обер-полицейстера. М. родился 7-м ребенком в семье в одном из дворцовых зданий на Елагином острове. У него было 5 старших братьев и 3 сестры.

Д. С. Мережковский

До 16 лет он вместе с семьей жил в казенном доме дворцового ведомства, первоначально (с 1784) принадлежавшего инженер-генералу Ф. В. Бауру, на углу Невы и Фонтанки напротив Летнего сада. На первом этаже этого старинного дома (пятое и шестое окна на наб. Невы от угла Фонтанки) с конца марта по конец окт. 1924 жили две близкие подруги — актриса О. А. Глебова-Судейкина (бывшая жена художника С. Ю. Судейкина) и поэтесса А. А. Ахматова. Воспитывался М. в 3-й Санкт-петербургской классической гимназии (1875–83; ныне ул. Гагаринская, д. 23). Примерно в 13 лет, подражая «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина, сочинил первое стих. Тогда же написал и первую критическую статью — классное сочинение «Слово о полку Игореве».

Первые стихи напечатал в 15 лет в «Живописном обозрении» — «Тучка» (1880. № 40), «Осенняя мелодия» (1880. № 42) и «Завещание» (1881. № 19). Позднее публиковался в «Северном вестнике», «Русской мысли», «Наблюдателе» и т. д. Отец, поощрявший поэтические опыты сына, старался знакомить его с лит. знаменитостями. В 1880 он приводит его на последнюю квартиру Достоевского, где оробевший М. читает писателю свои юношеские стихи. «Слабо, плохо, никуда не годится, — сказал Достоевский, — чтобы хорошо писать, — страдать надо, страдать!» (Мережковский Д. С. ПСС: в 24 т. Т. 24. С. 111). В это же время М. близко знакомится с поэтом С. Я. Надсоном, а через него с А. Н. Плещеевым, который помог М. опубликовать 4 стих. в «Отечественных записках» (1883. № 11; 1884. № 1). В 1883–88 М. учится на историко-филол. ф-те Петербургского ун-та. В доме А. А. Давыдовой, издательницы ж. «Мир Божий», он встречается с И. А. Гончаровым, Я. П. Полонским, А. Н. Майковым, а позднее — с сотрудниками «Северного вестника» В. Г. Короленко, В. М. Гаршиным, Н. К. Михайловским, Г. И. Успенским. По совету последнего в поисках религиозного смысла жизни М. после окончания ун-та намеревался «уйти в народ» и стать сельским учителем.

Летом 1888 в Боржоми он знакомится со своей будущей женой З. Н. Гиппиус. 8 янв. 1889 в Тифлисе (Тбилиси) в церкви Михаила Архангела М. и Гиппиус были обвенчаны. Этот семейный союз на всю жизнь для них стал одновременно союзом духовно-творческим, в котором вклад каждого по отдельности подчас было трудно определить.

В первом, еще подражательном сб. «Стихотворения. 1883–1887» (1888) М. стоит «На распутье» (1883) в мучительных раз-

мышлениях над проблемой существования Бога, личного бессмертия, добра и зла, своего общественного призвания: «И устал я вечно сомневаться! / Я разгадки требую с тоской, / Чтоб чему бы ни было отдаться, / Но отдаться страстно, всей душой. / Эти думы — не мечты досуга, / Не создание юношеских грез, / Это боль тяжелого недуга, / Роковой, мучительный вопрос». Вторая книжка стихов М.— «Символы (Песни и поэмы)» (1892), по оценке В. Я. Брюсова, «замечательна разносторонностью своих тем. Пушкин и античная трагедия, Эдгар По и Бодлер, древний Рим и Франциск Ассизский. <...> То был первый дар Мережковского на алтарь <...> „вселенской культуры“» (Брюсов В. Я. Далекие и близкие. М., 1912. С. 60). «В те времена „символизма“ еще не существовало,— отмечал критик М. А. Лятцкий,— и название книжки казалось странным и даже диким» (Мережковский Д. С. ПСС: В 17 т. Т. 15. С. VI). Позднее, говоря о своем увлечении символизмом, сам автор пояснял, что «под влиянием Достоевского, а также иностранной литературы, Бодлера и Эдгара По, началось <...> увлечение не декадентством, а символизмом (я и тогда уже понимал их различие)» (ПСС: в 24 т. Т. 24. С. 113). «Символизм,— по словам М.,— делает сам стиль, само художественное вещество поэзии одухотворенным, прозрачным, насквозь просвечивающим, как тонкие стенки алебастровой амфоры, в которой зажжено пламя» (ПСС: В 17 т. Т. 15. С. 249). Однако наибольший успех в творчестве раннего М. имела поэма «Вера» (Русская мысль. 1890. Кн. 3–4), также включенная в сб. «Символы». По этому поводу А. М. Скабичевский писал: «Нет возможности и сравнивать это произведение Мережковского со всеми предыдущими <...>. Картина увядания и смерти девушки производит потрясающее впечатление и представляет собою нечто давно уже небывалое в нашей литературе» (Скабичевский А. М. История новейшей русской лит.-ры. 1848–1903 г. СПб., 1903. С. 502).

1889–91 оказались поворотными в жизни писателя. «Смерть матери, болезнь жены и некоторые другие тяжелые обстоятельства <...>,— писал М.,— были причиной того религиозного переворота, который я пережил» (ПСС: в 24 т. Т. 24. С. 113–114). Детская вера во Всевышнего, в Творца, пройдя искусственное и сомнения, через университетские увлечение разнообразными позитивистскими концепциями стала вновь возвращаться к нему в виде мучительных опытов внутреннего познания. Познать Бога во многом значило

для него уже не воспринимать его рассудком, а почувствовать сердцем и полюбить все сотворенное им, даже если оно лежит во зле и грехе (см. стих. «Сон», 1884; «Эту заповедь в сердце своем напиши», 1894, и др.).

Третий сб. стихов М. «Новые стихотворения. 1891–1895» (1896) был проникнут ожиданием «нового пророка», «дерзновением» («Дети ночи»), стремлением полюбить жизнь в больших и малых проявлениях («Пчелы»), полюбить жизнь как «вечную игру» («То, чем я был»), измеряя ее «новой», «бесцельной красотой» («Голубое небо»). «Смерть,— констатирует М.,— не убивает, а воскрешает истинную любовь. Тот, кто никогда не сомневался в полном уничтожении после смерти, никогда не любил, потому что любишь не мертвого, а только живого. <...> Способен ли человеческий дух,— спрашивает себя поэт,— на новый и, может быть, на самый великий из подвигов, способен ли он превратить этот беспредельный ужас перед смертью в беспредельную любовь к Богу» (Записная книжка. 1891 г. С. 344, 351). Именно поэтому его интересуют такие титаны дерзновения духа, как Леонардо да Винчи, Микеланджело, Иов (см. одноименные стих.). В четвертом поэтическом сб. М. «Собрание стихов. 1883–1903 г.» (1904) новых стих. оказалось немного («Трубный глас», «Детское сердце», «Молитва о крыльях» и др.). Если в третьем сб. только теоретически декларировалось желание влюбиться в «демоническую» антиномичность бытия, то здесь мы уже видим попытку пристального взглядывания через собственный жизненный опыт в образцы этой таинственной двойственности («Двойная бездна»). В сб. прослеживается и поворот к соборному христианству («О, если бы душа полна была любовью», «Трубный глас» и др.). Последний сб. «Собрание стихов. 1883–1910» (1910) был повторением сб. предыдущего, за исключением автобиографической поэмы «Старинные октавы». К середине 1900-х М. постепенно отходит от поэзии, сосредоточивая свой интерес на лит. критике и религиозно-философской публицистике.

Начало 1890-х было связано с интенсивными переводами М. классиков античной лит.-ры — Эсхила, Софокла, Еврипида, которые публикует как в журналах, так и в виде книг. Отдельным изданием выходит и перевод «Дафниса и Хлои» Лонга (1896; 2-е изд. 1904). Премьера трагедии Еврипида «Ипполит» в переводе М. состоялась 14 окт. 1902 на сцене Александринского театра. На осно-

ве прочитанных в Петербурге осенью 1892 двух лекций М. издает книгу статей **«О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»** (1893), ставшую по существу первым манифестом русского символизма. В ней шла речь не столько о лит-ре, сколько об отражении через лит-ру, искусство и культуру «нового идеализма», новых религиозно-мировоззренческих тенденций. Формулируя идейно-эстетический принцип «нового искусства», М. выделяет в нем 3 главных элемента: «мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности» (ПСС: в 17 т. Т. 15. С. 250).

Однако широкую не только российскую, но и европейскую известность оригинально мыслящего художника М. приобрел после публикации в «Северном вестнике» первого романа **«Отверженный»** (1895; впоследствии **«Смерть богов. Юлиан Отступник»**). Роман о последнем драматичном периоде раннего христианства в лице трагической фигуры императора Юлиана явился первой частью трилогии **«Христос и Антихрист»** (1895–1905). Продолжение трилогии — романы **«Воскрешение боги. Леонардо да Винчи»** (1900) и **«Антихрист. Петр и Алексей»** (1904–05). Вслед за первой трилогией он пишет трилогию **«Царство зверя»** уже на материале исключительно русской истории. В нее вошли драма **«Павел I»** (1908), а также романы **«Александр I»** (1911–12) и **«14 декабря»** (1918; первоначально **«Николай I. Декабристы»**).

В 1900–05 начинается история «главного» дела Мережковских: происходит формирование неохристианской концепции, создается знаменитое религиозное «троебратство» (М., З. Гиппиус, Д. В. Философов), задается программа последующей религиозно-общественной деятельности. Исследование **«Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия»** (1900–02), написанное между вторым и третьим романом трилогии **«Христос и Антихрист»**, явственно отразило вышеупомянутый поворот в религиозных исканиях М.— попытку преодоления демонического дуализма Земли и Неба на путях нового понятого учения Христа о «равносвятости» духа и плоти, о том, что и сам дух не бесплотная святость, а «Святая Плоть». Вообще, конец века для М., как, впрочем, и для мн. др. символистов, являлся концом всемирной истории и началом нового апокалипсического, «сверхисторического пути», т. е. религии. Идея создания новой церкви, «нового религиозного сознания» Мережковских во мн. выте-

кала из параллельно ими разрабатываемой метафизики Любви, с которой неразрывно были связаны понятия Красоты и Свободы как пути развития исторического христианства от язычества (царства Отца) через «бесплотную святость» одностороннего аскетизма (царство Сына) к единству «Святого Духа и Святой Плоти», к «Церкви Третьего Завета» как царству Св. Духа, «Богочеловека в Богочеловечестве». Постоянный поиск идеальной любви, соединяющей в себе духовное и физическое начало в процессе возрождения божественного, бессмертного плана человеческой личности, является главной особенностью религиозной метафизики Мережковских. Низшие формы человеческой любви через «влюбленность», по их убеждению, должны преобразиться в формы возвышенные, существенно отличаясь от похоти и просто любви. В 1898–99 Мережковские собираются с кружком С. П. Дягилева. В это же время в их кругу появляются В. В. Розанов, П. П. Перцов, П. С. Соловьева, немного позднее — Блок, Белый и Брюсов. В 1901 у Гиппиус возникает идея, тут же подхваченная М., создания Религиозно-философских собраний, своеобразной открытой «встречи», «знакомства» представителей церкви и интеллигенции. Собрания, на которых председательствовал ректор Духовной академии в Петербурге епископ Сергей (Страгородский) (будущий Патриарх Московский и всея Руси), были разрешены и открыты 29 нояб. 1901. К этому времени Мережковские уже знакомятся со мн. священниками, лавритами, преподавателями Духовной академии, среди которых наиболее близкие отношения завязываются с профессорами В. В. Успенским и А. В. Карташевым, впоследствии автором известных богословских трудов и итоговой книги **«Воссоздание Св. Руси»**. В скором времени у Гиппиус зарождается, а затем и реализуется план издания своего лит.-богословского ж. «Новый путь», в котором, наряду с произведениями А. Блока, В. Розанова, А. Ремизова, Г. Чулкова, Ф. Сологуба, Б. Зайцева и мн. др., печатались отчеты Религиозно-философских собраний. Как сами собрания, просуществовавшие менее полутора лет (до 19 апр. 1903), так и ж., находившийся в руках Мережковских почти два года (дек. 1902–04), представляли собой интереснейшую страницу духовной жизни России начала века. Вместе с тем они явились тем полигоном идей, на котором испытывались острейшие проблемы жизни и бытия, были тем местом, где мыслящая интеллигенция страстно размышляла о своем настоящем и будущем. Вдохновленный идеей вселенского преобра-

жения России и ожиданием приближающегося «Второго Пришествия», М. в это время казался не только пламенным проповедником, но и порой настоящим апокалипсическим пророком. Белый, вспоминая М. начала века, писал: «„Иль — мы, иль — никто!“ — восклицал Мережковский, грозяся пожаром вселенной; ходил по Литейному, будто в кармане он держит флакон с эликсиром; глотни — и заплываешь души, тела» (Белый А. Начало века. М., 1990. С. 189).

Однако уже ко второй половине 1905 настроение Мережковских меняется. Собрания запрещены, ж., в который они вкладывали столько души и энергии, из-за безденежья, связанного с русско-японской войной (январь 1904 — август 1905), вызвавшей падение подписки на все издания, фактически с октября 1904 передан в руки других. Стихийный характер начавшейся революции не предвещал ничего хорошего, скорое ожидание чуда «второго воскресения, Второго Пришествия» также откладывалось. «Вы спрашиваете, как я живу! — сообщал М. в мае 1905 Л. Вилькиной. — Уныло. Можно ли жить иначе во время того, что теперь происходит в России? Это уже не революция, а что-то гораздо более страшное <...>. Тут какое-то стихийное разрушение всего, „из развалин, из пожарищ“ — ничего не возникнет, кроме Грядущего Хама» (ЛН. М., 1937. № 27–28. С. 170–171). Первые уроки «общественности» — первый «опыт свободы», по позднему определению З. Н. Гиппиус, — связанные с попыткой освобождения человека от самодержавной власти, от «реакционной» Церкви, от погрязшей в «физическом и духовном рабстве» России, во время первого пролога русской революции 1905–07 давались М. трудно. Самодержавие не только устояло, но и стало усиливать борьбу с инакомыслием, а дарованные царским Манифестом 17 октября «свободы» во мн. оказались призрачными надеждами. В сложившейся ситуации М. в конце 1905 пишет резкий политический документ — «**Воззвание к Церкви**», в котором от лица религиозной общественности, «священников и мирян», открыто призывает всех истинных служителей Церкви к прямому бойкоту светской власти, царя и самодержавия (Текст «Воззвания» см. в кн.: Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / сост., вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 702; Павлова М. М. Мученики великого религиозного процесса // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция: сб. / под ред. М. А. Колерова. М., 1999. С. 10–12).

Однако крамольное «Воззвание» никто из духовенства подписать не решился. По-настоящему первая попытка Мережковских внешнего соединения с религиозной общественностью и «истинными» служителями Церкви потерпела провал. Но они уже не могли идти рядом ни с самодержавием, ни со сторонниками «исторической» Церкви, ни с обезбоженной социал-демократией. Их собственный путь религиозного обновления жизни окончательно становился иным — от триумvirата и троек своей внутренней домашней церкви, куда входили Т. Н. Гиппиус, Н. Н. Гиппиус, А. В. Карташев, С. П. Ремизова, В. В. Кузнецов, Е. П. Иванов, Андрей Белый, А. А. Мейер и др., к широким массам «религиозной общественности».

Почувствовав на своей родине себя не у дел, Мережковские вновь обратили свой взор на Европу, где были свежее религиозные веяния, где можно было попытаться найти новых единомышленников, а также испытать триумvirат на прочность метафизической связи. Вот почему 25 февраля 1906 почти на два с половиной года они уезжают в Париж. Однако и здесь Мережковские не только не приобрели себе новых союзников, но стали терять и старых. Собрать вместе со своими единомышленниками «боевой» пропагандистский сб. «Меч» в 2 частях («Самодержавие и русская революция», «Анархия и теократия»), направленный против самодержавно-церковной реакции в России, они так и не смогли. Почти никто из их потенциальных союзников (Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Эрн, Н. Лосский, А. Глинка (Волжский), В. Свенцицкий и др.) не захотел в них увидеть настоящих пророков и в силу этого не мог согласиться с сектантской «ересью Мережковских» (см.: Письма Н. Бердяева / публ. В. Аллоя // Минувшее: Исторический альм. Вып. 9. М., 1992. С. 318). Видимо, поэтому «троебратство» отказывается от первоначального замысла сб. и выпускает 2 написанные ими во Франции книги самостоятельно. В 1907 на французском языке выходит сб. публицистических статей «**Le Tzar et la Revolution**» («Царь и революция»), а в 1908 и пьеса «**Маков цвет**». С чувством неуверенности и одиночества 11 июля 1908 Мережковские возвращаются в Петербург. Несмотря на довольно активную внешнюю жизнь М. — участие в Религиозно-философском обществе, редактирование лит. отдела «Русской мысли», издание в 1911–14 одного за другим в обеих столицах полных собр. своих сочинений — круг «внутренней» церкви Мережковских почти не расширяется. Более того, и их главное «трио» с весны 1912 начинает рас-

шатываться. Отношение к войне 1914 еще больше отдаляет Философова от Мережковских (в 1916 на сцене Александринского театра была поставлена (опубл. в 1917) антивоенная пьеса М. «**Романтики**»), а 1920 их окончательно разлучает.

Несмотря на огромный объем написанного (более 60 томов соч.), наиболее ценную часть творческого наследия М. представляют не романские трилогии, принесшие ему европейскую и мировую известность, не поэзия или драматургия, а лит.-психологические и религиозно-философские исследования. Уже в ранних своих статьях он пишет о Лонге, Флорберте, Руссо, Сервантесе, Кальдероне, Монтене, Марке Аврелии, Ибсене, Гончарове, Майкове, Пушкине и т. д. Многие из этих работ вошли в сб. «**Вечные спутники**» (1897). Позднее появляются знаменитые исследования «Толстой и Достоевский» (1900–02), «**Судьба Гоголя**» (1903), «**Гоголь и черт**» (1906), такие сб. лит.-философских статей, как «**Грядущий Хам**» (1906), «**Не мир, но меч**», «**В тихом омуте**» (оба — 1908), «**Большая Россия**» (1910), «**Было и будет**» (1915), «**Зачем воскрес**» (1916), «**Невоенный дневник**» (1917). Им пишутся большие статьи о Достоевском — «**Пророк русской революции**» (1906), Серафиме Саровском — «**Последний святой**» (1907), Лермонтове — «**М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества**» (1909). Интroversируванность субъективно-критического метода М. со временем заходит так далеко, что изданные им брошюры «**Завет Белинского**» и «**Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев**» (1915), в которых автор пересматривал традиционные представления о русских писателях, вызывают решительный протест со стороны реалистического крыла критики. Так, Б. М. Эйхенбаум, отвергая изживший себя рассудочный импрессионизм и «акробатические силлогизмы» М., писал о том, что М.-критик, «как исследователь русской литературы и как ее „тайновидец“, — это то, что требует сейчас серьезного, принципиального отпора» (Северные записки. 1915. № 4. С. 130). Специфика «субъективной» критики М., выступавшего против «холодной, бесстрастной исторической достоверности» критики «объективной», состояла в анализе лит.-исторических эпох и писателей не со стороны их синхронных оценок, а со стороны перспективы большого времени, той метаисторической перспективы, которая лежала в основе его религиозно-метафизической концепции.

Если Февральскую революцию Мережковские встретили с неподдельным энтузиаз-

мом, то Октябрь 1917 ими был воспринят как приход «подлинной контрреволюции», «Красного Дьявола», «царства Антихриста». Все последующее время, вплоть до лета 1919, для Мережковских прошло в «пытке надеждой» на скорое падение власти большевиков. Однако когда последняя надежда угасла, они принимают окончательное решение бежать из «России-тюрьмы» за границу. С немалым трудом и унижением получив с помощью М. Горького «мандат» на чтение просветительных лекций о Египте в красноармейских частях, морозным вечером 24 дек. 1919 Мережковские вместе с Д. Философовым и В. Злобиным (секретарем Мережковских) на двух извозчичьих санях с тюками и чемоданами отправляются на Царскосельский вокзал, чтобы сесть в переполненный поезд, идущий на Гомель. Но до Гомеля поезд доехать не смог, и через трое суток пути Мережковские были вынуждены выйти из поезда в прифронтовом городке Жлобине. После недельного в нем пребывания, а затем двух суток пути на санях по снежной пустыне они нелегально перешли русско-польскую границу в р-не Бобруйска. Через 10 дней, проведенных в Бобруйске, они в воинском эшелоне отправляются в Минск, где М. читает несколько лекций об ужасах большевистской России, затем они приезжают в Вильню и, наконец, 3 марта — в Варшаву. Менее года они пребывают в Варшаве, а затем, разочаровавшись в Пилсудском и Б. Савинкове, уже без Философова, навсегда переезжают в Париж. В Париже Мережковские организуют лит.-философское общество «Зеленая лампа» (1927–39), сыгравшее заметную роль в интеллектуальной жизни «первой волны» эмиграции. На собраниях «Лампы» бывали И. Бунин, Б. Зайцев, Г. Федотов, Л. Шестов, Г. Адамович, В. Ходасевич, А. Ремизов, Н. Бердяев и мн. др. Интенсивность творчества М. в эмиграции не только не уменьшается, но становится все более напряженной. Он публикует здесь свои последние исторические романы: «**Рождение богов. Тутанкамон на Крите**» (1924) и «**Мессия**» (1926–27). Вслед за этим М. отказывается от жанра худож.-исторического романа и переходит к своеобразным философско-религиозным и просветительско-историческим медитативным исследованиям, общей целью которых являлось обнаружение с самых древних времен проблемок и следов религии будущего, религии «Третьего Завета». В этом ключе он создает монументальную всемирно-историческую трилогию «**Тайна трех: Египет и Вавилон**» (1923–25), «**Тайна**

Запада. Атлантида — Европа» (1930) и огромный трактат **«Иисус Неизвестный»** (1932). Высоко оценивая 3-ю часть трилогии, Б. К. Зайцев писал: «„Иисус Неизвестный“ волнует читающего, как волновал он писавшего <...>, читатель прочтет с увлечением своеобразнейшую книгу, написанную с некою исступленностью, острую, смелую — в центре которой величайшее Солнце мира» (Наше наследие. 1990. № 3. С. 91–92).

В 1929 М. издает философскую биографию **«Наполеон»**. Наполеон в концепции М.— «человек из Атлантиды» и одновременно «апокалипсический Всадник», призванный известить мир о конце «Второго Завета». В 1930 М. совместно с З. Гиппиус, прежде всего чтобы как-то поправить свое материальное положение, пишет киносценарий **«Борис Годунов»** (раннее название **«Дмитрий Самозванец»**; см.: Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н. Борис Годунов: Неизвестный вариант киносценария / публ. Н. В. Королевой // Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М., 2002. С. 9–87). Осенью 1934 и в 1936 (апр.—дек.) Мережковские проживают в Италии. Здесь им удалось получить от итальянского правительства часть денег для работы над книгой о Данте. В Риме Мережковские встречаются с Вяч. Ивановым, И. Буниным, А. Амфитеатровым и др. русскими эмигрантами. К весне 1937 книга **«Данте»** была закончена (впервые издана в Болонье на итальянском яз. в 1938; на русском яз. в 2 т. в Брюсселе в 1939), и М. приступает к работе над одноименным киносценарием. Во время очередной поездки в Италию (июнь—окт. 1937) достать новую сумму денег на два задуманных проекта киносценариев **«Жизнь Данте»** и **«Леонардо да Винчи»** оказалось невозможным.

В последние годы жизни М. приступает к составлению трех агиографических трилогий, по-новому интерпретированных своеобразных «житий святых»: **«Павел и Августин»** (1936), **«Св. Франциск Ассизский»** (1938), **«Жанна д'Арк и Третье Царство Духа»** (1938). Эти произведения опубликованы им под общим названием **«Лица святых от Иисуса к нам»**. Уже после смерти писателя увидела свет в 1941–42 на французском яз. трилогия **«Реформаторы Церкви»**: **«Лютер»** (1937), **«Кальвин»** (1938), **«Паскаль»** (1939). И незадолго до смерти М. заканчивает свою последнюю трилогию **«Испанские мистики»**: **«Жизнь св. Терезы Авильской»**, **«Жизнь св. Иоанна Креста»** (обе — 1939), **«Маленькая Тереза»** (1941). Неоконченный роман «Ма-

ленькая Тереза» был посвящен глубоко чтимой Мережковскими в последние годы их жизни католической святой, монахине-кармелитке Терезе Лизьеской (1873–97), канонизированной в 1925 и официально являющейся «заступницей и молитвенницей за землю Русскую». Крестный путь ее глубочайших падений, невыразимых мук и страданий, пройдя через которые она обрела истинную любовь не только к Христу, но и к Земле, являлся, по мнению Мережковских, и высочайшим духовным примером святости, и одновременно драгоценнейшим «религиозным опытом» совр. христианства, ведущим просветленные души к «Третьему Завету Трех», к «Соединению Церквей», к грядущей «Церкви Вселенской».

Летом 1941 М. выступил с радиоречью, в которой сравнил Гитлера с Жанной д'Арк в его непримиримой борьбе с «Красным Дьяволом» коммунизма. На мн. французов, в т. ч. и на русских эмигрантов, эта речь произвела гнетущее впечатление и явилась, по словам Ю. Терапиано, «началом конца Мережковских». Но тот же Ю. Терапиано, пытаясь объяснить парадоксальность лит.-философских оценок и поведения М., в т. ч. и заигрывание с Пилсудским и Муссолини, в конечном итоге справедливо писал: «Он ощущал себя предтечей грядущего Царства Духа и его главным идеологом <...> Диктаторы, как Жанна д'Арк, должны были исполнять свою миссию, а Мережковский — давать директивы. Наивно? Конечно, наивно в плане истории, но в метафизическом плане, где пребывал Мережковский, „наивное“ становится мудрым, а „абсурдное“ — самым главным и важным» (Терапиано Ю. Лит. жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 30–31). Однако надежды, связанные с новой Жанной д'Арк, были недолгими, не только в глазах З. Гиппиус, осознававшей это всегда, но и в глазах самого М. Гитлер в скором времени становится исчадием ада — «чертом», «клинически помешанным», «бесноватым», а его поделщик Муссолини — «тупицей».

Последние месяцы жизни М. проводит почти в полном одиночестве, в узком кругу близких себе людей, в мучительных размышлениях о будущем своей многострадальной России. Он пытается работать, но воссоздать лик великого праведника-народолюбца, преподобного Серафима Саровского, уже не успел. М. скоропостижно скончался утром в воскресенье 7 дек. 1941 г., сидя в своем любимом соломенном кресле у плохо разгоравшегося камина.

Религиозная метафизика М., какой бы фантастической она ни казалась сегодня, была органическим миром писателя. Символизм не как способ изображения жизни и бытия, а как ведущий метод интерпретации человека, космоса и истории, был характернейшей чертой как М., так и мн. др. писателей-современников. М. постоянно волновали вопросы онтологии бытия, двойственности и антиномичности, религиозной историософии и христианского символизма. Раскрытие по новозаветным словам «Неведомого Бога» (Деян 17, 22–23) являлось главным пафосом всей его жизни. Страстный, неистовый поиск Бога Живого сопровождал М. до конца его дней. Воздавая гимн Творцу, еще в молодости, в своем программном стих. «**Бог**» (1892) он писал: «Пока живу — Тебе молюсь, / Тебя люблю, дышу Тобой, / Когда умру — с Тобой сольюсь, / Как звезды с утренней зарей; / Хочу, чтоб жизнь моя была / Тебе немолчная хвала, / Тебя за полночь и зарю, / За жизнь и смерть — благодарю!» Однако творчество М., пронизанное идеей будущей вселенской религии, вольно или невольно включало в себя и «прелесть» сектантства, кружковщины, уклонение от исторической Церкви. С этим решительно не могли согласиться ни Бердяев, ни Карташев, ни Флоренский. Последний не принимал в Мережковских и попытку «насилу стяжать Духа Святого. В неперменном желании уничтожить времена и сроки», из-за чего, по мнению философа, «они перестали видеть то, что есть у них перед глазами».

И все же, несмотря ни на что, высоко оценивая творчество Мережковских в целом, Флоренский, как, впрочем, и Бердяев, и Розанов, объективно отметит, что «в основе „нового сознания“ лежит истинная идея» (Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1990. Т. 1. Ч. 1. С. 128–129). Харизматичность личности М. проявилась и в его незаурядном ораторском даре, о чем говорили очень многие его современники. «В писаниях Мережковского,— констатировал Г. В. Адамович,— исключительность его натуры отразилась туманно и бледно. Но иногда от некоторых слов его, от некоторых его замечаний или речей чуть ли не кружилась голова, и все не потому, чтобы в них были блеск или остроумие, о нет, а оттого, что они будто действительно исходили из каких-то недоступных и неведомых другим сфер» (Адамович Г. Мережковский // Новое русское слово. 1951. № 14374. 2 сент. С. 3).

Еще в 1907 П. Б. Струве, говоря о М., писал, что он «в плеяде новейших русских мыслителей <...> занимает одно из первых мест»

(Русская мысль. 1907. № 2. С. 64). К настоящим искателям и мыслителям отнес писателя в 1921 Вяч. Иванов (Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 66). М., по свидетельству Брюсова, «даже в интимнейших признаниях выражал то, что было или скоро должно было стать <...> надеждою многих» (Брюсов В. Я. Далекие и близкие. С. 63). В одной из своих последних работ «**Тайна русской революции: Опыт социальной демонологии**» (1939) М. пророчески написал: «Все человечество в наши дни — под ношею крестною, но на России сейчас — самый острый край креста, самый режущий <...> Никогда еще не подымало человечество к Богу такой глубокой чаши, как в наши дни, и эта чаша — Россия. Россия гибнущая, может быть, ближе к спасению, чем народы спасающиеся, распятия — ближе к воскресению, чем ее распинающие» (Царство Антихриста. С. 558).

«Сколько одиноких лет,— можем мы повторить не утратившие своего значения слова Блока,— ждал Мережковский читателей, которые не перетолковывали бы его по-своему, а болели бы одной с ним болезнью. Теперь только стали его слушать. Слава Богу, давно пора!» (Блок А. А. СС: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 635–636).

Соч.: ПСС: в 24 т. М., 1914; ПСС: в 17 т. СПб.; М., 1912–13; СС: в 4 т. М., 1990; Маленькая Тереза: роман / под ред. Т. Пахмусс. Анн Арбор: Эрмитаж, 1984; Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н. Данте. Борис Годунов. Киносценарии / под ред. Т. Пахмусс. New York, 1991; В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991; Атлантида — Европа: Тайна Запада. М., 1992; Наполеон. М., 1993; Жанна д'Арк. М., 1995; СС: в 4 т. Иисус Неизвестный. М., 1996; СС: в 4 т. Лица святых от Иисуса к нам. М., 1997; Данте. Томск, 1997; Испанские мистики. Томск, 1997; Реформаторы. Лютер. Кальвин. Паскаль / вступ. статья Т. Пахмусс. Томск, 1999; СС: в 4 т. Тайна Трех. М., 1999; Мессия. Рождение богов: Тутанхамон на Крите: романы / вступ. статья А. В. Лаврова. СПб., 2000; Л. Толстой и Достоевский: жизнь и творчество. М., 2000; Драматургия / вступ. статья и примеч. Е. А. Андрущенко. Томск, 2000; Собр. стихотворений / вступ. статья А. В. Успенской. СПб., 2000. (Вечные спутники); Было и будет: Дневник. 1910–1914. Невоенный дневник 1914–1916 / предисл. и комм. Е. Г. Домогацкой, Е. А. Певак, И. Л. Анастасьевой. М., 2001; Записная книжка. 1891 г. / публ. М. Ю. Кореновой // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994; Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / комм. О. А. Коростелева и А. Н. Николюкина; послесл. О. А. Коростелева. СПб., 2001.

Лит.: Михайлов О. Н. Пленник культуры: О Д. С. Мережковском и его романах // Мережковский Д. С. СС: в 4 т. Т. 1. М., 1990; Гиппиус З. Н. Живые лица: Воспоми-

нения. Тбилиси, 1991. Кн. 2; Фриндлендер Г. М. Д. С. Мережковский и Генрик Ибсен: У истоков религиозно-философских идей Мережковского // Русская лит-ра. 1992. № 1; Соболев А. Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: биографический альм. Вып. 1. М.; СПб., 1992; Андрущенко Е. А., Фришман Л. Г. Критик, эстетик, художник // Мережковский Д. С. Эстетика и критика. Т. 1. М.; Харьков, 1994; Рудич В. Дм. Мережковский // История русской лит-ры XX в. Серебряный век. М., 1995; Федоров В. С. «Эолова арфа» России: Этапы жизни и религиозно-философского творчества Д. С. Мережковского // Вече: альм. русской философии и культуры. СПб., 1997. № 8; Николюкин А. Н. Мережковский Д. С. // Лит. энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 1: Писатели русского зарубежья. М., 1997; Дефье О. В. Мережковский: преодоление декаданса: Раздумья над романом о Леонардо да Винчи. М., 1999; Кумлан К. А. Мережковский-поэт... // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. (Новая Б-ка поэта); Сарычев Я. В. Религия Д. Мережковского: «Неохристианская» доктрина и ее худож. воплощение. Липецк, 2001; Быстров В. Н. Идея обновления мира у русских символистов (Д. Мережковский и А. Белый) // Русская лит-ра. 2003. № 3–4.

В. С. Федоров

МЕТТЕР Израиль Моисеевич [6.10.1909, Харьков — 8.10.1996, Петербург] — прозаик.

Родился в семье мелкого служащего. После школы-семилетки работал монтером. В 1926 поступил в Харьковский ин-т народного образования, на физико-математический факультет; в 1929, не закончив ин-та, уехал в Ленинград, где преподавал математику в вечерних школах для взрослых. Небольшое время работал в Урало-Сибирском коммунистическом ун-те им. В. И. Ленина (в Свердловске) и в Ленинградском училище связи (1933–36).

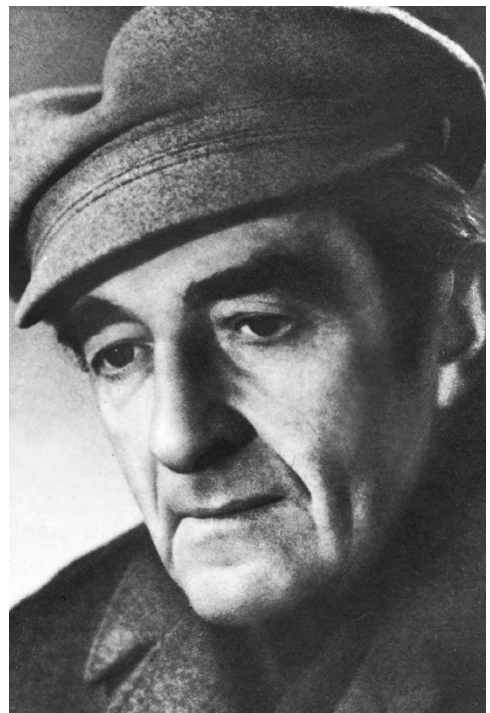
Печататься начал в 1928. Первую книгу — повесть **«Конец детства»** опубликовал в 1936. Она о тусклом быте мещанской еврейской семьи в беспокойное время Первой мировой войны и последующих революционных событий. Напечатанная в 1940 повесть **«Разлука»** затрагивает вечные проблемы воспитания и самовоспитания. Рассказы М. публиковались в ж. «Лит. современник», «Резец», «Огонек».

С начала Великой Отечественной войны (1941–42) М. становится фельетонистом Ленинградского радиокомитета. В 1942 пьеса **«Наш корреспондент»**, написанная М. в соавторстве с Л. Левинным, была поставлена фронтовой группой московского Театра им. М. Н. Ермоловой, Театром им. Е. Б. Вахтангова и др. В соавторстве с Л. Левинным на-

писаны также пьесы **«Северное сияние»** (1943) и **«Новое время»** (1947).

В 1952 вышла повесть **«Товарищи»** (об учащихся московского ремесленного училища). Одна из постоянных тем в творчестве М. — жизнь школьного учителя, его неиссякаемые проблемы: бытовые, социальные, нравственные. Они пристально рассматриваются во мн. повестях и рассказах (**«Директор»**, **«Встреча»**, **«Два дня»** и др.). Героям, преданным нелегкому и неблагоприятному учительскому делу, противостоят карьеристы и демагоги. Обстоятельность бытописания и психологическая достоверность позволяют автору воссоздать реальную житейскую атмосферу, что делает повествование увлекательным и при отсутствии острой интриги.

Это относится и к ряду повестей о людях, работающих в милиции, опубликованных М. в 1960-е. Эти произведения нельзя отнести к популярному жанру детектива, они о повседневной работе — и тем не менее читаются с живым интересом. Автор близко и в подробностях знает будничную, лишённую героического ореола жизнь своих персонажей. Наибольший успех имела повесть **«Мухтар»** (1960) — в некоторых изд. **«Мурат»** — о розыскной собаке и ее деловитом и скромном проводнике. По этой повести в 1969 был снят

И. М. Меттер